

Научная статья

УДК 81.112

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-1/55-61>

Временные формулы как способ организации легендарного повествования о граде Китеже

Елена Александровна Петренко¹, София Михайловна Абрамова²

^{1,2}Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
petrenko.ea@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1269-5136>

²Студент кафедры русского языка и литературы, abramova.sm@dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются текстовые и речевые средства формирования категории темпоральности в старообрядческом памятнике второй половины XVIII века «Книга, глаголемая летописец». Новизна исследования обусловлена малой степенью изученности образцов книжно-славянской письменности с точки зрения формирования категории темпоральности, её обусловленности коммуникативно-прагматическими установками автора текста. Анализ коммуникативно-прагматической структуры памятника позволяет утверждать, что ведущей коммуникативной стратегией книжника является нарративная. В тексте она реализуется с помощью введения в повествование устойчивых формул-синтагм темпоральной семантики, свойственных древнерусскому летописанию. Были выявлены два вида формул: формулы, фиксирующие событие и его время на событийной линии повествования, и формулы, позволяющие повествователю передать его экспрессивную оценку.

Ключевые слова: категория темпоральности, книжный дискурс, коммуникативная стратегия, формулы-синтагмы, номинатор, коррелятор

Для цитирования: Петренко Е.А., Абрамова С.М. Временные формулы как способ организации легендарного повествования о граде Китеже // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 55–61.

Original article

Temporal formulas as a way of organizing the legendary narrative about the city of Kitezh

Elena A. Petrenko¹, Sophia M. Abramova²

^{1,2} Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation

¹Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, petrenko.ea@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1269-5136>

² Student, Department of Russian Language and Literature, abramova.sm@dvfu.ru

© Петренко Е.А., Абрамова С.М., 2025

Abstract. The article examines the textual and speech means of forming the category of temporality in the Old Believer monument of the second half of the XVIII century “The Russian Chronicler (Kniga, glagolemaya letopisets)”. The novelty of the research is due to the low degree of study of the samples of Slavonic book writing from the point of view of the formation of the temporality category, its conditionality by the communicative-pragmatic attitudes of the author of the text. The analysis of the communicative-pragmatic structure of the artifact allows us to assert that narrative is the leading communicative strategy of the scribe. It is realized in the text through the introduction of stable formulas-syntagmas of temporal semantics peculiar to Old Russian chronicle writing. Two types of formulas were identified: formulas fixing the event and its time on the event line of the narrative and formulas allowing the narrator to convey his expressive evaluation.

Key words: category of temporality, book discourse, communicative strategy, syntagmic formulas, nominator, correlator

For citation: Petrenko E.A., Abramova S.M. Temporal formulas as a way of organizing the legendary narrative about the city of Kitezh. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 55–61. (In Russ.).

Легендарное повествование о граде Китеже представлено в старообрядческом памятнике второй половины XVIII века «Книга, глаголемая летописец», состоящем из двух довольно разнородных, а потому обособленных и самостоятельных частей. Первая рассказывает об историческом персонаже и вполне документальных событиях – князе Георгии Всеволодовиче, строительстве им града Китежа и нашествии Батыя. При этом, по мнению исследователя этого памятника В.Л. Комаровича, она представляет собой компиляцию из местных преданий о татаро-монгольских набегах и противостоянии им, а также из переработанных фрагментов местных летописных записей [4, с. 23–29]. Вторая часть, которая называется «Повесть и взыскание о граде сокроуенном Китеже», наполнена эсхатологическими мотивами и представлениями о земном рае, сложившимися на основе содержания древнейших апокрифов и рассказов старообрядцев-бегунов о Беловодье и других святых местах, где можно скрыться в ожидании второго пришествия.

Объектом изучения предстаёт текст памятника, обладающий специфической коммуникативно-прагматической структурой, композицией и языковым воплощением. **Предметом исследования** являются текстовые и речевые средства формирования категории темпоральности, в частности временные формулы-синтагмы.

Проблемным является вопрос об интерпретации памятника как принадлежащего средневековому церковно-религиозному книжно-письменному дискурсу. Время окончательного создания памятника, несмотря на выявленные связи с текстами более ранних эпох, датируется второй половиной – концом XVIII века, а это, как известно, время активного формирования и нового этапа литературной традиции, и складывания литературного русского языка на национальной основе. Однако текст памятника создавался в особой среде и в специфических исторических условиях – его авторами были старообрядцы-бегуны, спасавшиеся от преследования на берегах озера Светлояр [4, с. 38–40]. Их духовные ориентиры были обращены в прошлое, к религиозным и книжным традициям эпохи до раскола Русской православной церкви, то есть до второй половины XVII века.

Описываемый дискурс и речевые практики, развивающиеся в нём, сложились в эпоху первых, кирилло-мефодиевских, переводов Священного христианского писания на славянский язык и затем распространялись в пространстве *Slavia Orthodoxa*. Его признаками являются: наличие мегатекста христианской культуры, когда книжные тексты создаются как развитие и репрезентация идей, заложенных в тексте Священного писания; реализация коммуникативных отношений автора и читателя как воздействие проповедника, глашатая вечных истин на поучаемого в вере, наставляемого; вербализация идей с помощью языковых средств церковнославянского языка [1, 3, 6, 9, 11].

В связи с этим мы можем реконструировать основную коммуникативную цель (интенцию) автора текста следующим образом – придать легенде о граде Китеже историческую достоверность и вписать повествование о нём в рамки, хронологические и сущностные, средневекового славянского книжного дискурса. Её решение достигается путём реализации коммуникативных стратегий, также свойственных древнерусскому книжнику как субъекту данного дискурса, а не писателю Нового времени [1, с. 102].

Поскольку частная коммуникативная задача создателя текста произведения понимается им тоже в соответствии с представлениями древнерусского книжника – соединить временные линии христианской истории и истории жизни конкретного человека, или, точнее, увидеть частную историю князя Георгия Всеволодовича в глобальной христианской истории, то ведущей коммуникативной стратегией можно признать нарративную.

Главным способом текстового воплощения нарративной стратегии является формирование временной оси повествования путём взаимодействия событийной и перцептивной темпоральных линий, другими словами, создание темпоральности текста [9, с. 99].

Событийная линия (объективное, диктумное время) – это линия общего летописного повествования, вектор которого направлен из далёкого прошлого в будущее. Общей точкой его отсчёта является начало христианской истории. История персонажа, Георгия Всеволодовича, является её частью, одним из её отрезков. По мнению Д.С. Лихачёва, «средневековые русские представления о времени называли прошлые события “передними” и располагали время не эгоцентрически, а в едином, каждый раз своём ряду – от их начала до настоящего, “последнего времени”» [7, с. 262].

Перцептивная линия (субъективное, модусное время) – это линия восприятия времени и описываемых в повествовании событий автором и читателем. Это линия, способная замедлять повествование и даже останавливать его [2, с. 11].

Маркерами, фиксирующими события на временной оси, оказываются формулы-синтагмы темпоральной семантики, которые сложились и получили широкое распространение в текстах древнерусского летописания [3, с. 140]. Их использование в тексте XVIII века позволяет автору повторить «технологию» создания средневекового исторического повествования и заявить о своей принадлежности к книжно-славянскому дискурсу.

Формулы-синтагмы – это речевые клише, которыми пользовался древнерусский книжник для формирования каркаса текстов разных жанров. Обладая устойчивостью (инвариантным лексическим составом), по мнению В.В. Колесова, языковые формулы варьировались, реализуясь в виде речевых синтагм в конкретном тексте, не утрачивая свою способность к узнаванию читателем. Участники средневекового книжного дискурса, автор и читатель, располагали набором таких формул-синтагм, которые помогали, с одной стороны, создавать текст,

с другой – правильно его прочитывать, интерпретировать [3, с. 140–143]. Воспроизводимость текста и его фрагментов, а также опора на историческую традицию создания оригинальных и переводных произведений в таком случае оказываются важными свойствами средневековой славянской книжной практики в отличие от уникальности и неповторимости авторского высказывания Нового времени. Временные формулы, рассматриваемые нами, задействованы в речевой реализации нарративной стратегии и представляют собой функциональное взаимодействие лексических и грамматических средств, формирующих темпоральность текста.

В результате исследования текста нами были выделены следующие разновидности временных формул:

1. Формулы, фиксирующие событие и его время на событийной линии повествования.

1.1 Лексическими показателями времени выступают *номинаторы – предложно-падежные сочетания, указывающие на определённую точку на временной оси* [5, 8, 10]. Такая семантика лексического показателя времени соотносится с общим грамматическим значением предиката временной формулы, выраженного формой аориста.

- И пребысть в великом пощении и воздержании, и пребысть **лѣто едино в вѣчный покой отиде, в лѣта 6671-го, месяца февраля в 11 день.** **И погребен бысть** сыном его благовѣрным и великим князем Георгием.

- **Бысть же сие в лѣта 6671. Изволи** святыи благовѣрный и великий князь Георгий Всеволодович ехать к благовѣрному князю Михаилу Черниговскому.

- **На утрѣ же воста** той нечестивый царь на град той с вои своими, приступом приступи и **взя** его.

В представленных примерах употребление абсолютных временных лексических операторов и глагола в форме аориста 3 лица полностью соответствуют такой нарративной тактике древнерусского книжника, как *констатирующий нарратив* [9, с. 104].

Однако отличительной чертой данного текста от сопоставимых с ним текстов летописной традиции Средневековья является использование номинатора события в конце временной формулы, а не в начале.

- И **поеха** по градом, и егда приеха в Нов-град, **повелѣ** строити церковь во имя Успения пресвятыя владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии **в лѣто 6672.**

- И **повелѣ** благовѣрный князь Георгий во градѣ том Ростовѣ церковь строити во имя Успения пресвятыя владычицы нашей Богородицы и присно девы Марии **в лѣто 6672, месяца мая, в 23 день.**

- И **начаша** же град той каменный строити **в лѣто 6673, месяца мая в 1 день, на память святаго пророка Иеремия и иже с ним.** И **строитца** град той **три лѣта, и построиша** его **в лѣто 6676, месяца сентября в 30 день**, на память святаго священномученика Григория Великия Армении.

- [И егда прииде ко граду тому, нападе на град той со множеством своих, и **взя** той град Большой Китеж, что на берегу озера Свѣтлояра,] и **уби** благовѣрнаго князя Георгия **месяца февраля в 4 день.**

1.2 Лексическими показателями времени выступают так называемые корреляторы – наречия и предложно-падежные сочетания, определяющие положение темпоральных фактов на временной оси по отношению друг к другу [5, 8, 10].

• Святый же благовѣрный князь Всеволод **первые княжи** в Великом Новѣ-градѣ. **Егда же бысть время, возропташа** новгородцы на нь и рѣша сами собою промежь себе, яко князь наш, не крещен сый, владѣет нами крещеными.

Коррелятор **первые** и сочетание **егда же бысть время** регулируют таксисное соотношение предикатов **княжи** и **возропташа** на временной оси в категориях «раньше-позже». Такое функционирование временных формул также вполне характерно для реализации констатирующего нарратива древнерусским книжником. На способность воспроизводить временную формулу указывает и тот факт, что в противопоставлении событий, обозначенных предикатами и корреляторами, участвует частица **же** – одно из сильных синтаксических средств создания повествования, имеющих в распоряжении древнерусского книжника.

• [Он же прииде в Киев к дяде своему Ярополку и сказа ему все, за что изгнан бысть новгородцы. Он же, слышав от него, и вѣда ему Вышград.] И **ту молим бысть** от псковичь княжити у них, и прииде к ним во град Псков. И **по времени восприя** благодать святаго крещения, и **наречен бысть** во святом крещении Гавриил.

В этом примере представлено функционирование корреляторов **ту** и **по времени**. При этом интересно их расположение на временной оси. Коррелятор в виде указательного местоимения с синкретичной пространственно-временной семантикой, включённый в формулу **и ту бысть молим**, как бы завершает связь последовательно предшествующих событий, обозначенных аористами 3 лица **прииде, сказа, вѣда** (*‘в тот момент, когда Ярополк дал Всеволоду во владение Вышгород, уже взмолились псковичи’*). Коррелятор **по времени** открывает новую череду событий (*‘спустя время принял крещение и наречен был именем Гавриил’*).

1.3 Разновидностью временных формул, активно использующихся в исследуемом тексте, являются синтагмы с конструкцией сложноподчинённого предложения местоименно-соотносительного типа с союзным средством «егда-тогда», компоненты которого выступают корреляторами.

• И **егда изволи** благовѣрный князь Георгий ехати во свое мѣсто, **тогда** благовѣрный князь Михаил **повеле** грамоту написати и свою руку приложи к грамотѣ.

• И **егда** благовѣрный князь Георгий **поеха** во свое отечество и град, **тогда** благовѣрный князь Михаил с великою честью **отпущаше** его и **провожаще**.

Как видно из примеров, корреляторы «егда-тогда» фиксируют на временной оси как последовательно расположенные события, в составе речевой формулы обозначенные формами аориста, так и способны описывать одновременные действия. Во втором случае задействованы формы имперфекта в значении относительного времени, что соответствует нормам церковнославянского языка и употреблению глагольных предикатов в рамках реализации коммуникативной тактики констатирующего нарратива.

2. Формулы, описывающие не столько факт события, сколько позволяющие повествователю передать его экспрессивную оценку. Такие формулы участвуют в формировании перцептивной временной линии повествования.

• И **пироваше много дней**.

• Благовѣрный же князь Георгий Всеволодовичъ **егда приеха** во град свой, прежереченный Псков, и **много дни пребысть** в молитвѣ, в постѣ же и бо бдѣнии, и много милостыни раздая нищим, и вдовицам, и сиротам. **По построении же** градов тех **поживе лѣтъ 75**.

В формулах данного типа используется номинатор, привязывающий событие к определённой точке временной оси, но предикаты не передают последовательность событий в прошлом, не продвигают, а останавливают ход повествования, сосредоточивая внимание читателя на важности чувственного проживания момента.

• **Быст в лѣто 6747.** Попущением Божиим грѣх ради наших **прииде** на Русь воевати нечестивый и безбожный царь Батый. И **разоряше** грады и огнем **пожигаше**, церкви Божия такоже **разоряше** и огнем **пожигаше** же. Людей же мечю **предаваше**, а младых дѣтей ножом **закалалаше**, младых дѣв блудом **осквернялше**. И **бысть** плач велий.

В последнем примере автор прибегает к риторической традиции плетения словес, торжественного, эмоционального повествования. Здесь активно используется повтор однородных предикатов: аористов (**быст, прииде, бысть**) и имперфектов (**разоряше, пожигаше, предаваше, закалалаше, осквернялше**). Временные формулы такого типа участвуют в речевой реализации коммуникативной тактики *оценочного нарратива* [9, с. 112].

Проведённый анализ функционирования временных формул в тексте произведения «Книга, глаголемая летописец» показал, что восстановленная старообрядцами XVIII века на основе народных преданий и обрывочных летописных записей легенда о граде Китеже соответствует историческому повествованию как типу речевого произведения, реализуемого в рамках книжно-письменного дискурса. На это указывает позиция автора/создателя текста, набор коммуникативных стратегий и тактик, а также речевая и текстовая их реализация.

Список литературы

1. Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 73–115.
2. Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
3. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 296 с.
4. Комарович В.Л. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 184 с.
5. Кронгауз М.Л. Структура времени и значение слов // Логический анализ языка: Избранное. 1988–1995. М.: Индрик, 2003. С. 276–281.
6. Кузнецов И.В. Риторические стратегии литературного дискурса (на материале русской словесности XI–XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2009. 43 с.
7. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. 372 с.
8. Мосенцов В.В. Временные операторы в семантической структуре высказывания и текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1990. 20 с.
9. Петренко Е.А. Коммуникативные стратегии и тактики древнерусского книжника и языковые средства их реализации в «Повести о Варлааме и Иосафе»: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2011. 198 с.
10. Потаенко Н.А. Категория времени и её выражение в лексико-семантической системе языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
11. Пиккио Р. Slavia orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. 720 с.

References

1. Zhivov V.M. Features of the reception of Byzantine culture in ancient Rus'. *Research in the field of history and prehistory of Russian culture*. M.: Languages of Slavic Culture, 2002. P. 73–115. (In Russ.).
2. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Communicative grammar of the Russian language. M., 2004. 544 p. (In Russ.).
3. Kolesov V.V. Old Russian literary language. L.: Publishing house Leningrad University, 1989. 296 p. (In Russ.).
4. Komarovich V.L. The Kitezh legend. Experience in studying local legends. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1936. 184 p. (In Russ.).
5. Krongauz M.L. The structure of time and the meaning of words. *Logical analysis of language*. Selected works. 1988–1995. M.: Indrik, 2003. P. 276–281. (In Russ.).
6. Kuznetsov I.V. Rhetorical strategies of literary discourse (based on the material of Russian literature of the 11th–19th centuries). Abstract of Doctor's degree thesis. Moscow, 2009. 43 p. (In Russ.).
7. Likhachev D.S. Poetics of Old Russian literature. L.: Nauka, 1967. 372 p.
8. Mosentsov V.V. Temporal operators in the semantic structure of statements and texts. Abstract of Ph. D. thesis. Kharkov, 1990. 20 p. (In Russ.).
9. Petrenko E.A. Communicative strategies and tactics of the Old Russian scribe and linguistic means of their implementation in "The Tale of Varlaam and Josaph". Ph. D. thesis. Vladivostok, 2011. 198 p. (In Russ.).
10. Potaenko N.A. The category of time and its expression in the lexical-semantic system of language. Ph. D. thesis. M., 1981. (In Russ.).
11. Picchio R. Slavia orthodoxa: Literature and language. M., 2003. 720 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 04.03.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 09.03.2025

Принята к публикации / Accepted 11.03.2025